

*М.Ю. Ульянов**

**Древний Китай в работах советских китаеведов
20–30 гг. XX в. (краткий обзор)**

АННОТАЦИЯ: В статье рассмотрены работы китаеведов довоенного времени, тематика которых касалась истории Древнего Китая. Наша задача в том, чтобы, учитывая особенности развития синологии в СССР в 20–30-е гг. XX в., показать, как и для решения каких вопросов довоенные синологи обращались к древности. Основное внимание уделено трудам обществоведов. Названы авторы, даны краткие характеристики их работ, в ряде случаев эти работы были сопоставлены с трудами представителей академической науки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: синология, СССР, обществоведение, академическая наука, 20–30-е гг. XX в., древний Китай, исторический материализм.

Ещё в 2015 г. в журнале «Восток» («Ориент») была опубликована статья А.О. Захарова, в которой давались оценки современного состояния академического востоковедения и обоснованные опасения за перспективы его развития в будущем [33].

Будущее связано с прошлым. Прошлое невозможно не идеализировать, но, чтобы избежать повторения ошибок, необходимо изучать и помнить опыт предшественников. Времена не выбирают. Но времена проходят, сменяются эпохи, и важно осознать, что способствует, а что препятствует развитию научного направления. Речь идёт о выявлении культурных факторов, которые определяют действия людей в научной сфере и направляют их научную деятельность. Способствуют или препятствуют ей.

* Ульянов Марк Юрьевич, доцент, к.и.н., зав. кафедрой китайской филологии, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; E-mail: ulm@mail.ru

Востоковедение или ориенталистика (изучение «живых» языков и народов) предполагает двуединство академического и практического начал. Деятельность специалиста в рамках каждого из них обусловлена мощнейшими культурными механизмами. **Академическое** начало связано с научной деятельностью внутри академических «структур» (ВУЗов и НИИ), оно сопряжено с решением задач преимущественно в сфере гуманитарных наук (филологии, истории, философии, искусствоведения) в рамках академических «школ» или «направлений». **Практическое** предполагает деятельность на государственной службе или в бизнесе; к нему также может быть отнесено изучение современности вне гуманитарной сферы (экономики, политики, социологии и пр.).

Представители академической и практической сферы оказывают влияние друг на друга; решая различные задачи различными методами, они представляют собой две различные субкультуры.

Между двумя началами ориенталистики существует сложное диалектическое взаимодействие, которое и определяет драматургию судеб востоковедов и востоковедения. Оно усиливается обстоятельствами времени.

Достоин пристального изучения опыт синологов 20–30-х гг. XX в. И не только в Ленинграде, где стараниями В.М. Алексеева (1881–1951) и его соратников сохранялась «академическая» среда и развивалось филологическое направление классического китаеведения, но и в Москве, где создавалась новая, истинно советская китаистика, предполагавшая практический, а значит исключительно обществоведческий подход к рассмотрению исторического прошлого. Некоторые из трудившихся здесь китаистов, решая «актуальные проблемы современности», нередко выступали против «классиков», считая их историческим пережитком. Парадокс времени в том, что почти все они в годы репрессий были казнены, а часть учёных из академической среды, включая В.М. Алексеева, уцелела.

Обществоведы, несмотря на то, что в названиях некоторых их работ упоминался «Древний Китай», ничего нового в представлениях о прошлом страны привнести не могли. Научные же труды были созданы в рамках ленинградского «классического» направления, подтвердив мысль о том, что для этого нужна академическая среда, в которой задачи академической науки отделены от сиюминутной конъюнктуры, а задачи изучения истории не подменяются обществоведением.

Кратко рассмотрим работы китаеведов довоенного времени, тематика которых касалась истории Древнего Китая. Нам представляется, что раз в них затронута древность, то их следует обсудить сами по себе, без оглядки на обстоятельства времени. Тем более что

и в послевоенные годы на протяжении десятилетий синологи, продолжая решать «обществоведческие» задачи, вели, как представляется, далёкие от задач исторической науки и оказавшиеся бесплодными дискуссии об «общественном строе».

Нельзя не вспомнить и о том, что 2015–2018 гг. — годы скорбных дат, гибели многих упомянутых в этой статье китаеведов.

*По сравнению с Москвой
у нас было значительно меньше
шатаний и увлечений...,
но больше результатов*
В.М. Алексеев (1931 г.) [2, с. 224]

В России в XIX — начале XX в. в университетском китаеведении преобладало изучение истории литературы и религий, устойчивой же *академической* традиции исследования истории Древнего Китая так и не сложилось¹, хотя отдельные труды по этой теме уже начали появляться².

В первые десятилетия СССР важнейшими китаеведческими центрами были Ленинград и Москва, к ним подтягивался и Владивосток.

В 20–30-е гг. XX в. в изучении Китая в силу мощнейшего политического заказа возобладало *практическое* направление. Его центр находился в столице СССР.

В Ленинграде, бывшей столице Российской империи (Санкт-Петербурге), при поддержке Академии наук и её неперменного секретаря С.Ф. Ольденбурга (1904–1929), а затем директора Института востоковедения АН СССР (1930–1934 гг.) сохранялось филологическое

¹ Обзор изучения в России всех периодов истории Китая до 1917 г. содержится в монографии В.Г. Дацьшена 2015 г. [26]. Отдельные аспекты рассмотрены в статье С.П. Цыганковой [99].

² Представителями академической синологии был создан ряд трудов по древнекитайской истории. В.П. Васильев (1818–1900), основоположник академического китаеведения, составил курс лекций по истории Китая [13]. А в 1876 г. увидел свет выполненный Н.Н. Монастыревым перевод хроники царства Лу *Чуньцю* («Вёсен и осеней») — важнейшего источника по истории VIII–V вв. до н.э. [65], в 1885 г. — монография С.М. Георгиевского (1851–1893) «Первый период китайской истории (до императора Цинь-ши-Хуанди)» [20]. Возможное развитие изучения древнекитайской истории очерчивалось в двух развёрнутых рецензиях Д.М. Позднеева (1865–1937) [74; 75], но оно не получило продолжения — началась война, переросшая в революцию. В год начала Первой мировой войны вышла статья А.М. Баранова, в которой рассматриваются эпиграфические надписи периода Шань-Инь (ок. 1300–1027 гг. до н.э.) [8].

направление, возглавляемое его протеже и учеником В.М. Алексеевым. Он и его ближайшие коллеги работали в рамках академической науки, активно преподавали (в Ленинградском государственном университете, Ленинградском восточном институте)³. В.М. Алексеев и коллеги были нацелены на изучение китайской литературы, языка и культуры. Это направление называют «филологическим» или «классическим». Его представители формировали академическую «среду», в которой при различных обстоятельствах сохранялись условия для развития науки.

С петербургской (ленинградской) китаеведческой традицией была тесно связана владивостокская синология, которая, в свою очередь, породила харбинское направление [2, с. 221]⁴.

³ Ленинградский восточный институт (ЛВИ) за время своего существования с 1920 по 1938 г. сменил несколько названий. В 1920 г. был учреждён (декретом СНК РСФСР) как Центральный институт живых восточных языков. В 1922 г. был переименован в Петроградский институт живых восточных языков. В 1924 г. — в Ленинградский институт живых восточных языков. В 1927 г. (постановлением ЦИК СССР от 4 июня 1927 г.) стал называться Ленинградским восточным институтом им. А.Н. Енукидзе. В 1936 г. ЛВИ был преобразован в институт для подготовки кадров для НКВД, НКВД и других организаций (со сроком обучения два с половиной года вместо четырёх лет, как было раньше). В 1938 г. был закрыт [84].

⁴ В довоенном СССР именно преподаватели и выпускники Восточного института (с 1920 г. он назывался Дальневосточным университетом) активно занимались если не изучением истории «традиционного Китая» как таковой, то хотя бы её описанием: Н.В. Кюннер (1877–1955), К.А. Харнский (1884–1943), П.А. Гриневиц (1899–1938).

Первой после 1917 г. работой, посвящённой традиционному Китаю, стал этнографический труд 1921 г. Н.В. Кюннера «Лекции по истории развития главнейших основ китайской материальной и духовной культуры» [60]. Он был создан на основе изданного в 1909 г. «Исторического очерка основ китайской материальной и духовной культуры» [59].

Николай Васильевич Кюннер (1877–1955) окончил восточный факультет Петербургского университета (в 1900 г.), с 1902 г. по 1925 г. преподавал во Владивостоке в Восточном институте. После этого переехал в Ленинград. Работая на Дальнем Востоке, он способствовал становлению среды, в которой появились специалисты-страноведы, готовые квалифицированно писать об истории традиционного Китая.

В послевоенное время ещё один выпускник владивостокского Восточного института Б.И. Панкратов (1892–1979) в Ленинграде станет научным руководителем двух историков: К.В. Васильева и Ю.Л. Кроля, оставивших и переводы исторических источников, и их исследования. А в Москве перево-

Специфика московского направления в том, что оно развивалось внутри институций, нацеленных на решение конкретных политических задач и подготовку кадров революционеров. Их сотрудники вели анализ революционного движения и текущей политической и экономической ситуации в «современном Китае». Самые значимые: КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока, 1921–1938 гг.), УТК (Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена), переименованный в КУТК (Коммунистический университет трудящихся Китая, 1925–1930), а также НИИ по Китаю, возникший в 1928 г. при УТК⁵.

Некоторые занятые в них китаеведы получили образование ещё в дореволюционные времена, некоторые обучались во Владивостоке; видное место занимали выпускники ленинградских ВУЗов, в которых преподавал В.М. Алексеев. Эти китаеведы, изучавшие «актуальные проблемы современности», порой касались и истории Древнего Китая. Но обращаясь к ней, они решали не исторические, а сугубо *обществоведческие* задачи. Поэтому будем называть это направление «обществоведческим», а причастных к нему — «обществоведами»⁶.

Обществоведение в советское время — это комплексная дисциплина, основанная на «выводах марксистко-ленинской науки об обществе и законах его развития, о социализме и коммунизме». Теоретическую базу обществоведения составляли работы «основоположников марксизма-ленинизма»: К. Маркса — в области социально-экономических и политэкономических вопросов, Ф. Энгельса — в области истории и этнологии. Из работ В.И. Ленина основополагающее зна-

дами исторических источников будут последовательно заниматься «владивостокец» Р.В. Вяткин и «харбинец» В.С. Таскин.

⁵ В 1930 г. НИИ по Китаю был включён в состав Коммунистической академии, которая существовала до 1936 г., когда все входившие в неё институты стали относиться к Академии наук СССР, но, по-видимому, ещё ранее, к 1934 г., НИИ по Китаю был «растворён» в нём. После 1936 г. его сотрудники вошли в состав Института истории АН СССР, при котором возник сектор по изучению истории колониальных и зависимых стран, а в секторе новой и новейшей истории Востока китаеведов не было. Кто-то из китаеведов, видимо, нашёл работу в Международном институте тихоокеанских отношений, в Институте мирового хозяйства и мировой политики, Аграрном институте [27].

⁶ Среди работ о довоенной китаистике выделим труды В.Н. Никифорова [66; 67]. Их данные были значительно дополнены в монографии В.Г. Дацышена 2015 г. «История русского китаеведения 1917–1945». В ней приведены факты из научных биографий китаистов, охарактеризованы их работы, использованы ценные архивные материалы [26].

чение имела опубликованная в 1929 г. статья «О государстве», в основу которой была положена речь, произнесённая в 1919 г. В ней было провозглашено учение об общественно-экономических формациях⁷. Основная задача обществоведения — изучение социально-экономических и политэкономических вопросов.⁸

С 1922 г. в Москве издавался журнал «Новый Восток», который стал рупором актуального советского востоковедения с его обществоведческим подходом. В журнале были следующие отделы, которые отражали приоритеты журнала: политико-экономический, историко-этнологический, материалы, документы и библиографии [14].

В целом в довоенный период в Москве были востребованы только востоковеды-обществоведы, развитием «классики» заниматься было некому и негде. Самый крупный востоковедный ВУЗ того времени, Московский институт востоковедения (МИВ), был нацелен на практические нужды и «классиков» не готовил⁹. Среди его постоянных преподавателей-китаистов представителей «академического» востоковедения не было, а те, кто как-то был к нему сопричастен (В.С. Колоколов), академической среды не образовывали.

Наша задача в том, чтобы учитывая особенности исторической эпохи, показать, как и для решения каких вопросов довоенные сино-

⁷ Она во многом предопределила выдвижение на передний план темы рабовладения в древних обществах [96, с. 147–148, 156]. В окончательном виде учение о формациях было сформулировано при непосредственном участии И.В. Сталина в изданном в 1938 г. «Кратком курсе истории ВКП(б)» (во втором разделе главы IV, в котором разбирался вопрос «О диалектическом и историческом материализме») [96, с. 154].

⁸ Так, раздел учебника по «Обществоведению», который назывался «Учение о развитии общества», содержал такие пункты: «Материалистическое понимание истории, общественно-экономическая формация, классы и классовая борьба, нации и национальные отношения, историческая необходимость и деятельность людей» [68, с. 3].

⁹ Московский институт востоковедения МИВ, важнейший центр подготовки специалистов, владевших китайским языком. Создан 27 октября 1921 г. путём слияния всех московских востоковедных учебных заведений, включая восточные отделения в разных вузах. Просуществовал до 1954 г. См. [19]. В институте были ближневосточный и дальневосточный факультеты. Основателем кафедры китайского языка был Михаил Георгиевич Попов (1884–1930) — дядя по матери современного синоведа М.В. Крюкова. Здесь М.Г. Попов работал до ареста в декабре 1929 г. Его биография описана в одной из книг М.В. Крюкова [58]. В том же 1921 г. преподавание китайского языка было введено в Военной академии РККА [67, с. 78].

логи обращались к древности. Основное внимание уделим трудам «обществоведов». Назовём авторов, дадим краткую характеристику их работ, сопоставим их тематику с трудами представителей академической науки.

1924–1927 гг. Очерки истории и начало дискуссии об «общественном строе» Древнего Китая

Первой советской книгой, содержащей очерк древней истории Китая, стала работа 1924 г. И.К. Мамаева и В.С. Колоколова «Китай. Страна, население, история» [62]. Она была подготовлена на Восточном факультете Военной академии РККА. Оба автора, как и почти все, кто писал о древней истории Китая после них, историками не были. Первый являлся военным специалистом и работником Коминтерна, второй был знатоком языка и страны, по роду занятий — преподаватель языка и переводчик. Это был именно очерк, содержащий самые общие представления о Китае. Обзор истории занимает в книге значительное место [27, с. 90]. В ней есть отдельный раздел «Китай в доисторические и древние времена» [62, с. 140–151].

Исторический раздел начинается с мифа. Авторы простодушно изложили историзованную версию мифов о божествах Фуси, Хуан-ди, Яо, Шуне, Юе, упоминая их то как культурных героев, то как реально правивших государей древности с указаниями годов их правления. А данные о догосударственной истории — известные уже тогда археологические находки палеолита, неолита и бронзового века — оказались вне сферы их внимания. Не упомянуто известное по письменным источникам государство Шан-Инь (ок. 1300–1027 гг. до н.э.). Изложение истории начинается с кратких упоминаний о государстве Западное Чжоу (1027–771 гг. до н.э.) и его правителе У-ване. Более или менее подробный рассказ охватывает периоды поздней древности: Цинь, Западная Хань, правление Ван Мана и Восточная Хань. Почти не касаясь политической истории, авторы сделали упор на освещение социально-экономических вопросов. Не были забыты и «крестьянские восстания» [62, с. 151–157].

Очерк есть очерк, глубины в нём не предполагается, но уже здесь обозначилась подмена научных знаний об истории основанными на мифе традиционными представлениями. В нём впервые проявился «обществоведческий» подход — рассуждения об «общественном строе» и внимание к проявлениям «классовой борьбы».

В том же году вышел ещё более краткий очерк А.А. Иорданского «Китай в прошлом и настоящем» [41].

Традиция очерков была продолжена. В 1925 г. в Харькове брошюрой в 55 страниц был издан ещё один краткий очерк истории Ки-

тая выпускника Владивостокского Восточного института А.Д. Попова (1889–1941) [76]. В нём автор, используя понятие «китайская цивилизация», указал на то, что она самостоятельно возникла около 4000 лет назад. Однако далее, ссылаясь на некие «китайские летописи», названия которых не упомянуты, он пишет о божествах Фу-хи (Фу-си. — *М.У.*), Хуан-ди и Ю (Юй. — *М.У.*) как о первых правителях Китая, даже указывая даты их правлений. А далее он только перечисляет периоды китайской истории, начиная с «династии Ся». Очерк настолько краток, что, упомянув про пресловутые «крестьянские восстания», автор перешёл к современности.

В эти же годы в Москве как в столице СССР создавалась новая китаистика. В обсуждении «китайского вопроса» принимали участие лидеры партии, включая Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева, Н.И. Бухарина, И.В. Сталина и др. Поэтому и организатором московской китаистики оказался не академический учёный, а профессиональный революционер К.Б. Радек, который как секретарь Исполнительного комитета коммунистического интернационала (ИККИ) с 1924 г. специально занялся и Китаем¹⁰.

С 1925 г. по 1927 г. К.Б. Радек возглавлял Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. Им и было задано направление дальнейшего дискурса развития китаеведения в Москве — в том числе было указано на необходимость привлечения материалов по древности при анализе текущего состояния и перспектив классовой борьбы в Китае.

В ноябре 1926 г. К. Радек в обществе историков-марксистов сделал доклад «Спорные вопросы китайской истории», который начал словами: «Весь вопрос китайской экономики, соотношения классов <...> [вопрос], упирающийся в капиталистическое развитие Китая, одновременно упирается в прошлое Китая» [42, с. 25]. Он призвал изучать «общественный строй» Древнего Китая (почему не средневекового?). Так директивно перед китаистами была поставлена задача через древность объяснить современность, придав тем самым планам по переустройству китайского общества вполне наукообразный вид.

Запрос был услышан. Первым из китаеведов на него откликнулся А.А. Ивин (1885–1942?), который опубликовал статью «Аграрный

¹⁰ До этого, как пишет А.В. Панцов, ему приходилось обращаться к вопросам, связанным с коммунистическим и национально-освободительным движением в Китае. В частности, именно ему принадлежит инструкция представителю Коминтерна в Южном Китае о вступлении КПК в Гоминьдан в целях формирования единого антиимпериалистического фронта в Китае [42, с. 11].

вопрос в китайских революциях. „Красные Брови“ и „Жёлтые Тюрбаны“» [36]¹¹. Получив востоковедное образование в Париже, он был носителем определённой страноведческой культуры и эрудиции, но его статья написана на основе истматовской теории и на материале ряда англоязычных работ. В ней рассмотрены две важнейших темы «обществоведения»: аграрные отношения и крестьянские восстания («жакерии»). Много внимания уделено рассмотрению историчности системы «колодезных полей» (*цзин тянь* 井田)¹².

Тем временем, в том же 1926 г., в Ленинградском институте живых восточных языков увидел свет академический труд, написанный известным иранистом К.А. Иностранцевым (1876–1941) «Хунну и гунны (разбор теорий происхождения народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимном отношении этих двух народов)» [37]. Значительная часть монографии основана на разборе китайских источников. Это глубокая научная работа, которая содержит и критический обзор историографии, и исследование сообщений различных источников, в которой сформулированы научные гипотезы. Данная книга не была китаеведческой, она, открывая новое направление в изучении истории Центральной Азии, давала образец обращения к китайским источникам при решении задач исторической науки.

В 1927 г. К.Б. Радек опубликовал в «Новом Востоке» статью, которая ни много ни мало называлась «Основные вопросы китайской истории». В ней он развил все темы своего доклада. Об общественном строе он писал так: «Китайское государство... представляет в древнее время **типичное феодальное государство** (выделено мною. — М.У.)» [79, с. 41]. В своих построениях автор опирался на представления о «колодезных полях» (кит. *цзин тянь*).

¹¹ Алексей Алексеевич Иванов (псевд. Ивин) — востоковед, революционер. В 1904–1905 гг. учился в парижской Высшей школе общественных наук (Свободный русский университет); занимался востоковедением, посещал лекции Э. Шаванна и С. Леви в Коллеж де Франс, в 1917 г. закончил Национальную школу живых восточных языков (китайский и японский языки). С 1917 по 1929 гг. преподавал в Пекинском университете [63, с. 540].

¹² Понятие «колодезные поля» встречается в трактате *Мэн-цзы*, памятнике общественной мысли периода Чжаньго (453–221 гг. до н.э.). Под ним подразумевалась некая идеальная модель справедливого землепользования. Дискуссия на тему их существования началась в Китае в 1919 г. В ней участвовали видные китайские мыслители и обществоведы того времени, в том числе Ху Ши (1891–1962), несколько позже, в 1925 г., о них писал один из основателей КПК Ли Дачжао (1888–1927), поэтому о них было известно советским партийным деятелям и китаеведам [55].

Заметное участие в организации дискуссий по общественному строю в Древнем Китае принял ещё один высокопоставленный партийный функционер, волею судеб оказавшийся на фронте китаеведения, соратник В.И. Ленина (затем сторонник Г.Е. Зиновьева и оппонент сталинской группы) партийный публицист Г.И. Сафаров (1891–1942) [85]. В серии публикаций 1927–1928 гг. он и вступил в полемику с К.Б. Радеком, поставив под сомнение его выводы в своей статье «Древнейший период китайской истории». В частности, он посчитал сомнительным существование «колодезной системы» [81, № 18, с. 188–209]. Однако «поля» прочно заняли центральное место в обществоведческом дискурсе.

В том же 1927 г. в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена была опубликована работа М.П. Жакова (1893–1936) «Отражение феодализма в „Мэн-Цзы“» [31]¹³. Это машинописная рукопись, отпечатанная на стеклографе, тиражом 150 экземпляров. В ней проявился темперамент и добросовестность автора — профессионального революционера, комиссара народного образования Донецко-Криворожской советской республики, партийного функционера, видного деятеля троцкистской оппозиции, который с 1923 по 1927 гг. трудился в Университете¹⁴. В книге было заявлено о «феодальном» строе не просто в Древнем, а конкретнее — в Чжоуском Китае (XI–III вв. до н.э.). Автор проштудировал переводы памятника П.С. Попова и Дж. Легга, использовал выводы автора одной из англоязычных монографий [103]. Уже на первых страницах видим такое сообщение: «Первые же строки книги Мэн-цзы не оставляют никакого сомнения насчёт того — отражение какого именно общественного строя мы в ней найдём. <...> Перед нами полная картина феодальных отношений, мастерски набросанная всего в нескольких словах автором, видящим противоречия интересов общественных групп феодального общества и ищущего выхода в системе социальных реформ...» [31, с. 12]. Далее автор попытался обосновать это положение. И в общем-то, на основе разбора текста всего памятника, даёт широкую картину общества периода Чжаньго (453–221 гг. до н.э.), выискивая признаки феодализма. Конечно же, нельзя было обойти вниманием и тему «колодезных полей» [31, с. 17–18]. Ну а завершает монографию раздел «Классовая борьба и политическая идеология».

¹³ Работа была переиздана в 1930 г. в Тбилиси под несколько иным названием [32].

¹⁴ «М.П. Жаков — руководитель оппозиционеров Хамовнического района Москвы, на территории которого располагался Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена» [72, с. 251].

В.Н. Никифоров не без некоторой иронии назвал М.П. Жакова «одним из „творцов“ концепции феодализма в древнем Китае» [67, с. 237]. Точнее было бы сказать не «творец», а «теоретик», поскольку «концепция» возникла до него.

Тогда же в порядке дискуссии был издан перевод работы немецкого специалиста К.А. Виттфогеля (1896–1988) «Проблемы экономической истории Китая», который тогда называл себя марксистом, изучал восточный деспотизм и являлся сторонником «азиатской» формации [15; 67, с. 257].

В том же 1927 г., на советском Дальнем Востоке, увидела свет книга К.А. Харнского (1884–1938) «Китай с древнейших времён до наших дней», содержащая развёрнутый очерк истории страны [97]¹⁵. Автор, ученик Н.В. Кюнера, бывший офицер, революционер, журналист и преподаватель, являясь представителем Владивостокского направления китаеведения, попытался изложить историю Китая в разные периоды. Обладая хорошей страноведческой подготовкой, он не был ни историком, ни филологом. И в книге им решались задачи совсем не исследовательские, а просветительские — он знакомил с прошлым великой страны.

Описывая древнюю историю, он старался развенчать мифические начала древнекитайской истории и синхронизировать её с древневосточной и античной историей. Однако, как и в работе Колоколова и Мамаева, раздел «Древнейший Китай» также начинается с упоминания мифических правителей Яо и Шуня. Хотя автор признал их мифическими, тем не менее, неоднократно возвращался к ним. Вновь, как и у его предшественников, задача привести сведения о древнейшей истории была подменена передачей **представлений** китайцев об их древней истории. Вместо того, чтобы описать известные в науке данные, он изложил содержание мифов и дал их трактовку. Уже были доступны археологические материалы, и автор, владевший китайским языком, мог бы узнать и написать и про палеолитические находки (синантроп), и про данные о неолите (расписные керамики Яншао)¹⁶. Но для этого и требовалась специальная историческая подготовка, которой у него не было.

В книге отсутствует очерк политической истории периодов Западного Чжоу, Чуньцзо и Чжаньго. Более или менее подробно говорится об империи Цинь, о внешней политике Западной и Восточной Хань, описана биография Сыма Цяня и его труд. Только в отдельных

¹⁵ Его биография, анализ творчества и список работ см. [78].

¹⁶ В 1923 и 1925 гг. вышли обобщающие работы Ю.Г. Андерсона, суммирующие его исследования неолита в Китае [101; 102].

фрагментах описания поздней древности проявился потенциал К.А. Харнского как историка. Он заметен на примере характеристики «восстания Краснобровых» в конце правления Ван Мана. Отмечая, что в нём участвовало большое число крестьян, он высказался против того, чтобы считать его именно «крестьянским восстанием», поскольку крестьяне только «были использованы как физическая сила» [97, с. 100]. В последующем в отечественной литературе вопреки историческому содержанию это явление будет упорно называться именно так.

Далее, конечно, последовал «сеанс разоблачения». В том же году вышла рецензия В. Рейхберга: «Весь труд представляет собой компиляцию, главным образом, четырёх новейших солидных работ: 1) Li Ung-Bing. The Outlines of Chinese History; 2) Ping Hua-li. The Economic History of China; 3) Chavannes. Les memoires historiques de Se-Ma-Ts'ien и отчасти работы недавно скончавшегося Н.А. Рожкова „Русская история в сравнительном историческом освещении“¹⁷. <...> Мы в полной мере соглашаемся поэтому с заявлением самого автора, что „эта книга не содержит никаких фактов, о которых до сих пор не было бы известно читавшим исторические труды о Китае на европейских языках“ и, добавим мы со своей стороны, — во многом и на русском языке».

Рецензент отмечает сильную на его взгляд сторону работы: «Достоинство книги, однако, в том, что в ней дана систематизация фактов китайской истории (правда, не всех) не в шаблонном, а в критическом освещении». В рецензии хорошо переданы настроения и ожидания обществоведческой среды: «Правильно, конечно, что автор считает нужным **выдвинуть на первый план экономические взаимоотношения**, существовавшие в тот или иной период, но это не мешает ему уклоняться большей частью в сторону описания внешне-политических событий. Автор скользит, например, **по центральной проблеме китайской истории — аграрному вопросу** (выделено мною. — М.У.), детальное и несхематичное изучение которого поставит на своё место то, что осталось до сих пор неясным и противоречивым».

В заключении автор пришёл к выводу, что «Претендовать на настоящую историю Китая книге Харнского, конечно, не приходится; она может быть полезна лишь для общего, конспективного знакомст-

¹⁷ А.И. Кобзев также обратил внимание на то, что эта книга — во многом «русский пересказ» работы *Li Ung-Bing. Outlines of Chinese History*, вышедшей в Шанхае ещё в 1914 г. [50, с. 25–26].

ва с до сих пор мало или односторонне исследованной историей страны» [80, с. 294–295].

Следует сказать, что В.М. Алексеев, который относился ко всем работам китаистов с позиции академического востоковедения, дал книге Харнского весьма строгую оценку. В своей «Рабочей библиографии китаиста», первый вариант рукописи которой датируется 1934 г., он писал: «Эта книга тем более опасна, что написанная очень хорошим языком и увлекательно, может пленить читателя. Однако, не говоря уже о научных достоинствах, в ней нет достаточной научной грамотности. К учебникам она отнесена, во всяком случае, быть не может, как и справочникам, конечно» [4, с. 261]. С этим нельзя не согласиться. Являясь историком литературы, В.М. Алексеев явно испытывал недостаток в качественных сугубо исторических работах, которые хотя бы рассказывали об отдельных периодах истории «традиционного Китая». Недостаток знаний о прошлом страны ощущался им очень сильно, но заполнить вакуум всё ещё было нечем — в СССР того времени условий для формирования академических школ изучения истории древнего и средневекового Китая не было. Появление книги Харнского отчётливо высветило эту проблему.

Уже в первые годы истории советской китаистики обозначился приоритет обществоведческих задач над историческими. Поскольку в дореволюционное время в России национальной школы изучения истории древнего и средневекового Китая не сложилось, то ни в Москве, ни в Ленинграде, ни во Владивостоке профессиональных историков-китаистов не было, отдельные периоды китайской истории не изучались, источники не переводились и не исследовались.

Наметилось два направления работ: очерковое (написание очерка истории) и обществоведческое (решение какой-либо задачи, связанной с атрибуцией общественного строя и т.п.). Те, кто писал очерки, решали задачу просветительского плана — знакомили читателя со страной; данные о древней истории, восходившие в основном к популярным книгам на западных языках, преподносились в упрощённом изложении и с обществоведческими интерпретациями. А те, кто описывал «общественный строй», опирались на теорию истмата и взгляды господствующего направления во внутривнутрипартийной дискуссии. В частности, до 1927 г. о «феодализме» говорили в основном сторонники Л.Д. Троцкого (Радек, Жаков). Сразу после разгрома «объединённой оппозиции» началась дискуссия об «азиатском способе производства» (АСП).

1928–1932 гг. Расцвет и затухание дискуссий: критика феодализма и АСП, переход к «рабовладению»

В 1928 г. в Москве началось бурное обсуждение концепции «азиатского способа производства»¹⁸.

Из мастеров пера, писавших о Китае, первым на неё отреагировал упомянутый ранее Г.И. Сафаров. В своей работе «Классы и классовая борьба в китайской истории» он подверг эту концепцию суровой критике [82]. Монография очень объёмна (без малого 361 страница). Два из трёх её «Отделов» посвящены древней истории, первый — Чжоуской эпохе, второй — Ханьской. Автор предложил свою альтернативу в виде концепции «феодального строя» в Чжоускую эпоху и «феодально-рабовладельческого строя» в Ханьскую.

Труды Г.И. Сафарова, его монография и серия статей привлекли внимание других обществоведов и первое время служили для них ориентиром. Представление о ней дают слова его оппонента М. Волина, который подчеркнул, что автор «рисует перед нами докапиталистический общественный строй Китая как своеобразное сочетание крепостнических и рабских отношений. Общественный строй Ханьской эпохи, в течение которой, согласно исторической концепции Сафарова, в Китае сформировались и полнее развились основы китайской общественной системы, определившие всё дальнейшее развитие Китая, характеризуется Сафаровым как „феодально-рабовладельческий строй“» [18, с. 217].

Пока в СССР набирала обороты дискуссия об «общественном строе», в Китае в том же 1928 г. произошло важное событие, придавшее значительный импульс развитию мировой синологии, — в рамках Академии наук был создан Институт истории и языка (*Линши юйянь яньцзюсо, Академия синика*), который положил начало развитию академической науки в стране. Фу Сы-нянь (1896–1950), директор *Академии синика*, разработал всеобъемлющий план работы института по многим направлениям гуманитарной науки. За образец

¹⁸ Эта концепция выросла из размышлений вокруг одной фразы из предисловия К. Маркса к его работе «К критике политической экономии»: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [48, с. 7].

Детали дискуссии описаны в работах В.Н. Никифорова «Советские историки о проблемах Китая», Ю.В. Качановского «Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства. Спор об общественном строе древнего и средневекового Востока, доколониальной Африки и доколумбовой Америки» и др. [67, 48].

были взяты модели западной науки и западных университетов. Многие специалисты прошли подготовку в университетах Америки и Европы. В их сознании уживались традиционное китайское мышление и концепции современной науки.

В том же году начались археологические раскопки в районе г. Аньян — на месте столицы государства Шан-Инь (ок. 1300–1027 г. до н.э.). Это первое значительное мероприятие, организованное китайской Академией наук. Китайские археологи и историки-эпиграфисты (Дун Цзобинь, Ли Цзи и др.) набирали опыт. Несколько ранее уже были проведены раскопки в Чэнцзя (на западе Шаньдуна), где был открыт и раскопан город среднего бронзового века (в китайской науке — периода *луниань*), ещё раньше были сделаны палеолитические находки орудий труда и останков древнейшего человека (сиантропа), выявлены неолитические памятники (в китайской науке это культуры *янишао*, *мацзяо*).

Раскопки в Аньяне, которые длились до 1937 г., привели к открытию столицы описанного в письменных источниках государства, к которому восходят истоки современной китайской государственности. Они придали мощнейший импульс изучению всей китайской древности. Особенно быстрыми темпами развивалась эпиграфика и палеография — изучение надписей на панцирях черепах и костях животных.

Отсутствие в СССР академической школы изучения истории Китая привело к тому, что синологи долгое время, до середины 30-х гг., этими археологическими данными воспользоваться не могли.

Оперативно значимость событий смог оценить только один человек — китаист старшего поколения Алексей Иванович Иванов (1878–1937), автор замечательного и, к сожалению, сейчас почти забытого перевода философского памятника конца периода Чжаньго — *Хань Фэй-цзы* (1912 г.) [34]. В 1928 г. была опубликована его небольшая заметка «О научной работе в Китае» [35]. Она написана в основном с филологической, а не исторической точки зрения. В ней сделан обзор достижений в области изучения Древнего Китая до 1928 г. В частности, упомянуто имя Дун Цзобиня как лингвиста, говорится об его исследованиях шан-иньских надписей. В критическом ключе упоминаются результаты исследования Лян Цичао текстов двух памятников: *Чуньцю Цзочжуань* («Комментарий к „Веснам и осеням“ [господина] Цзо») и *Гоюй* («Речи царств»), которые он противопоставил выводам Б. Карлгрена. А также сказано о работе Ху Ши по истории китайской философской мысли, которой он противопоставил книгу А. Масперо *La Chine ancienne*. Он также упомянул об археологических раскопках.

Так классическое востоковедение дало о себе знать в эпоху, когда господствовало «обществоведение». Автор, очевидно, следил за современным состоянием и западной, и китайской науки. Находясь на практической работе и преподавая в Московском институте востоковедения, А.И. Иванов почувствовал, что начался переход науки на новый этап развития, и как представитель старой школы подвёл итоги завершающегося этапа.

В 1929 г. московский НИИ по Китаю при коммунистическом университете трудящихся китайцев начал выпускать своё периодическое издание: «Проблемы Китая. Записки института». В первом же выпуске журнала была опубликована статья на актуальную тему «Институт рабства в Китае». Её автор — работавший в Москве выходец из ленинградской академической среды, но отнюдь не её представитель М.Г. Андреев (1888–1937) [7]¹⁹. В статье сделана попытка рассмотреть рабство как некий универсальный феномен социальных отношений, характерный для различных периодов всей китайской истории, а не как отдельный период мировой истории, на чём скоро начнёт настаивать марксистское обществоведение.

Как и дореволюционные историки, М.Г. Андреев опирался на представления о том, что уже в Древнем Китае общественный строй может быть охарактеризован как феодальный. Он писал: «Китай уже в III в. до н.э. представлял почти классическую картину господства феодальных отношений. Если отдельные проявления патриархальных рабских отношений встречаются уже при существовании родового строя, то своё полное развитие система рабства получает по мере окончательного закрепления феодального строя в стране» [7, с. 305].

Автор пришел к банальному выводу, что «отношения рабства в Китае <...> имеют много общих черт с рабством в древнем Риме... Институт рабства в Китае имел много общих черт и с относительно недавним рабством в некоторых благословенных „христианских государствах“» [7, с. 306].

¹⁹ Михаил Георгиевич Андреев учился на восточном отделении Петербургского университета с 1908 по 1914 гг., побывал на стажировке в Китае в 1913 г., участвовал в Первой мировой войне, затем — в Гражданской на стороне красных [63, с. 72]. Завершал образование уже в советское время, закончив Петроградский институт живых восточных языков по китайскому разряду (1924 г.), после этого работал в Китае, затем — в научных и образовательных учреждениях Москвы. С 1925 г. по 1931 г. преподавал в МИВ. Также работал в НИИ по Китаю, Университете трудящихся Китая имени Сунь Ятсена, в колониальном секторе Института мирового хозяйства и мировой политики [3, с. 403–404]. Был репрессирован и расстрелян [61].

В.М. Алексеев включил М.Г. Андреева в число китаистов, «прошедших через его руки», среди которых, по его словам, «нет ни одного, кто, обладая способностями, вёл бы себя в отношении предмета пассивно — все эти люди прежде всего самостоятельны, с высоким показателем самостоятельности» [3, с. 228]. В этом списке также имена: Е.С. Иолка, М.Д. Кокина, Г.К. Папаяна, Н.П. Торсуева, Н.С. Мельникова, П.Е. Скачкова и др.

Данная статья открывает серию работ выпускников ленинградских вузов, которые в годы учёбы соприкасались с академической средой, но впоследствии, оказавшись вне её пределов, проявили себя исключительно как «обществоведы». Работа, имея некоторые черты исторического исследования, по сути таковой не является, поскольку основная задача автора заключалась только в рассмотрении истоков некоего феномена социальных отношений с целью определения характера «общественного строя».

В том же 1929 г. сам В.М. Алексеев написал статью «Китайская история в Китае и в Европе», которая носила программный характер. Она являлась его реакцией на очевидное отсутствие работ по истории как таковой. Глава академической синологии В.М. Алексеев пошёл дальше А.И. Иванова, он не только подвёл итоги в «изучении китайской истории как в Европе, так и в самом Китае», но и сформулировал на будущее некоторые задачи «синологии исторической». Написанная филологом, статья лежит в русле классической исторической науки. В ней высказан целый ряд суждений об изучении истории и источниках. Естественно, в статье нет ни слова ни про общественный строй, ни про борьбу классов. Неудивительно, что в то время она так и не увидела свет [5, с. 342].

К этому же году относится и ещё одна его неизданная рукопись «Об изучении истории Китая. Заметки к лекциям» (154 л.) [6, с. 409]. В.М. Алексееву было ясно, что обращение к древней истории не может быть успешным без научной школы и в отрыве от академической среды. Но тогда в Москве вопрос так не стоял, а в Ленинграде только формировались предпосылки для её появления.

По-видимому, к этому времени у В.М. Алексеева уже сложилась программа и по «историческому проекту». Сам он был филологом, и рядом с ним не было равного ему специалиста по истории, чтобы можно было поднимать и историческое направление. К этому надо было готовить учеников. С этого времени можно говорить о начале подготовки специалистов по истории древнего Китая. Они появились сначала среди филологов — лингвист Ю.В. Бунаков (закончивший Ленинградский восточный институт в 1931 г., защитившийся в 1935 г.), а затем и среди историков — Л.И. Думан (закон-

чивший Ленинградский университет в 1930 г., защитившийся в том же 1935 г.).

В то же время в Москву из Ленинграда перебирались некоторые из тех, кто слушал лекции у «классиков», выделяясь на общем фоне советских китаеведов определённой эрудицией.

В 1930 г. в китаеведческом общественно-научном сообществе значительный резонанс получила опубликованная в «Проблемах Китая» статья сотрудника НИИ по Китаю Е.С. Иолка (1900–1937) «К вопросу об основах общественного строя древнего Китая» [38]²⁰.

Эта статья первая в послереволюционной китаистике, название которой содержит прямое обращение к «Древнему Китаю». Научный аппарат, структура, использование сообщений письменных памятников и упоминание работ западных специалистов придаёт ей вполне «академический» характер. Это стало возможным в результате пусть и кратковременного, но пребывания автора в «академической среде» и приобщения к «классике». Но написана она не как историческое исследование, а как общественно-научное сочинение, появившееся в качестве реакции на «развернувшуюся за последнее время среди марксистов дискуссии об особенностях общественной формации восточных народов (проблема азиатского способа производства)».

Здесь же было сформулировано и основное методическое положение автора: «без отчётливого представления, основанного на изучении проверенных первоисточников о сущности и динамике развития **общественного строя** древнейшего этапа китайской истории невозможно понять особенностей китайского исторического процесса в целом». Это отражает сугубо общественно-научный подход. Ориентирами для него были упомянутые выше работы К. Радека и Г. Сафарова, которые он считал образцовыми марксистскими трудами.

Естественно, эту статью Иолка по древности заметил и внимательно проштудировал В.М. Алексеев, а через год он упомянул её в своём докладе «О методических достижениях китайского отделения Ленинградского восточного института за 11 лет» 27 февраля 1931 г.: «Не скажу, чтобы мне нравилась его статья в „Проблемах Китая“. Но статья серьёзная, и тот, кто будет писать об этом предмете, не сможет пройти мимо Иолка. И это человек, который не кончил и первого курса! Процент самостоятельности был у него чрезвычайно высок. Школа дала толчок, а выработался сам» [3, с. 229]. Обратим

²⁰ В том же номере была опубликована и ещё одна программная статья этого автора: «О задачах марксистско-ленинского изучения колониальных и полуколониальных стран» [39].

внимание не только на оценку статьи как серьёзной, но и на слишком уж краткий срок обучения в университете.

В статье Иолка между обществоведческими «заклинаниями» встречаются не только упоминания источников, но и разбор их содержания, — давала о себе знать «Алексеевская школа». В этой работе видны попытки следовать требованиям академической науки и личные научные пристрастия руководителя «школы». Это и выбор *Шицзина* в качестве основного источника, внимание к работам Ху Ши, использование западной, китайской и японской историографии. Но в статье решалась сугубо обществоведческая задача — дать определение общественному строю и форм хозяйствования чжоусцев «на начальном этапе их истории».

В том же 1930 г. произошло ещё одно заметное для современников событие — вышла в свет написанная на основе выпускных дипломов монография молодых ленинградских специалистов М.Д. Кокина (1906–1937) и Г.К. Папаяна (1901–1937), которая называлась «„Цзинь тянь“. Аграрный строй древнего Китая» [52]. Авторы были сторонниками «Азиатского способа производства» (АСП) — ему посвящена первая глава второй части книги (с. 65–98). Как и другие выходцы из «школы Алексева», они владели навыками разбора историографии и описания источников. В целом, стремились придать своей работе академический характер. Внешне это удалось, но по сути это был ещё один «обществоведческий» труд, имевший вид монографии, а не статьи. В книге заметна такая особенность обществоведческого подхода, как отсутствие в рассуждениях связи с конкретным историческим периодом. «Древний Китай» для авторов это периоды Ся (легендарный!), Шан, Чжоу, а один из важнейших источников *Чжоу ли* («Чжоуские церемонии») — сложный памятник, включающий не только и не столько исторические реалии одного исторического периода, сколько, как нам представляется, искусственную схему построения идеального бюрократического аппарата времён разработки реформ Ван Мана (конец I в. до н.э. — начало I в. н.э.).

С критикой этой книги выступил Е.С. Иолк [40].

Глава «классиков» В.М. Алексеев, очевидно, следил за работой молодых обществоведов, но вряд ли глубоко вникал в споры вокруг АСП. Это дало основание критику работы М.Д. Кокина и Г.К. Папаяна М.С. Годесу так остроумно оценить его представления о сути дискуссии: «Академик Алексеев признавал концепцию Кокина и Папаяна совершенно правильной на том основании, что раз Китай находится в Азии, значит это „азиатский“ способ производства» [67, с. 332]. Сегодня многие согласились бы именно с В.М. Алексеевым.

Строительство социализма только началось, и всем казалось, что всё самое лучшее ещё впереди. Однако уже в **1931** г. востоковедам СССР пришла пора собираться с мыслями и подводить итоги дискуссиям о феодализме, АСП или рабстве. Определяться нужно было как можно быстрее, поскольку вопрос «с кем вы, мастера...» был поставлен сталинским руководством очень остро.

Итоговая дискуссия по АСП прошла в Ленинграде в феврале 1931 г., она была организована Обществом марксистов-востоковедов и Ленинградским восточным институтом им. т. Енукидзе. На заседании с докладом «Итоги дискуссии об азиатском способе производства» выступил М.С. Годес. С содокладом «В защиту теории азиатского способа производства» — один из соавторов упомянутой монографии М.Д. Кокин. Большую часть участников, принявших участие в прениях, составляли именно синологи, и не только «обществоведы» Е.С. Иолк и Г.К. Папаян, П.И. Осипов (Чжу У-шан), но и приобщённые к «академическому» направлению литературовед А.А. Штукин, экономист В.М. Штейн. С докладами выступили древневосточники и антиковеды С.И. Ковалёв, А. Поляков, В.В. Струве, И. Лурье, И. Плотников, Н. Калемин, А. Мухарджи. Заключительное слово произнесли М.Д. Кокин и затем М.С. Годес. Стенограмма дискуссии была издана в том же году (переиздана в 2008 г.) [29].

Из её материалов хорошо видно, что для обществоведа любое обращение к древности связано с атрибуцией «общественного строя» и принадлежностью к «социально-экономической формации». Но вопросы эти в научном плане не решаемы. Выбор названия для «общественного строя» определяется идеологией, точнее господствующей в партийном руководстве «установкой», а выводы подкрепляются только цитатами из классиков марксизма-ленинизма. Подходит цитата — приводится, нет цитаты, тогда можно сказать, что «Маркс — не учёл», «Энгельс — не обратил внимания», даже «Ленин — не придал значения» и т.п.

Спор об АСП продолжался до 1932 г. [56, с. 286–287]

В **1932** г. в исторической науке, и, конечно, в востоковедении тенденция в атрибуции «общественного строя» государств периода древности, подталкиваемая сталинским партийным руководством, склонилась к рабовладению [96; 53; 54]. В изучении Древнего Востока основной фигурой стал египтолог В.В. Струве, в работах и выступлениях которого были отражены все эти «колебания». В частности, ещё в 1929 г. он был сторонником «феодализма», а в 1931 г. — АСП: в выступлении в прениях во время дискуссии об АСП по докладу М. Годеса он заметил, что АСП существовал до «эпохи Рима» [29, с. 93]. В 1932 г. В.В. Струве наконец выбрался на «единственно вер-

ную» прямую дорогу и заявил, что на Древнем Востоке «преобладающей формой классового угнетения было рабство» [87, с. 7–29].

Тогда же была опубликована статья жившего в Ленинграде П.И. Осипова (Чжу У-шан, род. 1901–?), посвящённая проблемам социального устройства древнекитайского общества и прежде всего рабства «Пути развития древнейшего общества Китая» [69, с. 183–203].

Стоит отметить, что в начале 30-х гг. палеолитические находки на территории Китая вызывали всё больший интерес среди профессиональных археологов и антропологов. В 1930 г. вышла обзорная статья археолога В.И. Громова (1896–1978) «Палеолит в Китае» [25, с. 558–563]. Именно палеолит стал одной из устойчивых тем в публикациях о древнейшей истории Китая. Журнал «Природа» на протяжении нескольких лет помещал написанные в доступной форме статьи о наиболее ранних антропологических находках в Восточной Азии. Большое внимание привлекла заметка 1931 г. И.И. Пузанова «Новые находки ископаемого человека в Азии» [77]. Специалисты должным образом оценили важность сведений о синантропе. В том же 1931 г. профессиональный антрополог Б.Н. Вишневский в статье «Синантроп» изложил историю находок, рассказал об экспедициях 1927, 1928, 1929 гг. и результатах их работы, привёл карту и план раскопа с указанием стратиграфии и пр. В ней рассматриваются антропологические находки, даётся их сопоставление с данными о питекантропе, неандертальцах и др. [16]. И после неё Б.Н. Вишневский продолжал оперативно знакомить читателей с результатами исследований синантропа [17].

В 1931 г. появилась и первая научная статья о неолите Китая Б.Л. Богаевского, в которой он, рассматривая орнаменты в росписях на керамических сосудах, сравнил их с орнаментами Крита и Триполья и выделил образ раковины [9].

В целом, 1930–1932 гг. дали значительные результаты в изучении палеолита и неолита. Материалы этих статей могли бы украсить любой очерк истории Китая, курс лекций, обзорные работы и т.п., но для китаеведов-обществоведов эти сведения не представляли интереса. Среди китаистов специалистов не было, «обществоведам» эти материалы были неинтересны и не нужны. Поэтому за палеолитическими и неолитическими находками следили археологи и антропологи, которые, не являясь китаеводами, могли описывать их только на основе публикаций на европейских языках.

Центром обществоведческих дискуссий стала Москва, но в столице в условиях отсутствия исторического факультета в университете и академической школы по изучению истории Китая в МИВе,

источником пополнения более или менее обученных кадров оставались Ленинград и Владивосток. К началу 1930-х гг. и в Ленинграде сложилось своё обществоведческое направление.

1933–1938 гг. Конец дискуссиям

В 1933 г. с усилением позиций И.В. Сталина в партии и в управлении государством в изучении Древнего Востока окончательно возобладала концепция рабовладельческого строя. Это был переломный год в развитии исторической науки в СССР. 19 февраля в речи на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников И.В. Сталин произнёс такие слова, определившие дальнейшее развитие исторической науки: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами. <...> Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации. Но она поставила вместо них капиталистов и помещиков, капиталистическую и помещичью форму эксплуатации трудящихся» [86, с. 412; 54]. Так партийным и государственным лидером была сформулирована пресловутая пятичленка (теория «социально-экономических формаций») советского истмата в качестве основы методологии исторических исследований.

В 1933 г. в Москве ещё по инерции предыдущего периода появился итоговый труд Г.И. Сафарова «Очерки по истории Китая» (написан и сдан в печать он был в июле 1933 г.). По своей форме, как это видно из заголовка и оглавления, они должны были носить исторический характер, но по сути это был обществоведческий труд. Очерки начинались с раздела «Древнейший китайский феодализм». В нём изложение сведений о самой ранней истории было опущено под предлогом, что «Только с чжоуской эпохи китайская история начинает терять характер мифологической туманности. Поэтому целесообразнее всего принять эту эпоху за отправную точку» [83, с. 5]. Старый партиец недоглядел, феодализм уже был неактуален. Возможно, соратнику Ильича захотелось «пофрондить». Однако настали иные времена. Он будет арестован первым из московских синологов-обществоведов — в 1934 г.

Очерки Сафарова, конечно, не прошли мимо внимания В.М. Алексеева, он дал им такую вполне академическую характеристику: «...Книги Г.И. Сафарова, как, например, „Очерки по истории Китая“ (М., Огиз., Соцэкиз, 1933), весьма интересные по марксистскому методу освоения истории, часто **опасны** (выделено

мною. — М.У.) для начинающего китаиста понятием источника, которым автор считает почти исключительно переводный и пересказанный материал, избегая материал китайский... Сафаров — известный писатель-марксист, и эти очерки, переоценивающие (уже не в первый раз) китайскую историю наново, читаются с большим интересом, несомненно, заставляя читателя, по крайней мере, задуматься над многим, ему как будто бы известным. К сожалению, полная неподготовленность автора к таким работам... сквозит на каждом шагу и заставляет нас сначала насторожиться, а потом и совсем, пожалуй, отложить книгу в сторону. <...> В новом аспекте история Китая растеряла все свои опоры, не приобретает должным образом аттестованных источниками новых; утратила терминологическую последовательность и состоятельность и т.п.» [4, с. 261].

Всех авторов такого рода сочинений В.М. Алексеев называл попростому «писатели»: пишут о Китае, значит писатели [4, с. 71]. А авторов очерков — «китаистами-информаторами, без исследований» [4, с. 261]. Точнее и не скажешь.

В 1934 г. все дискуссии общественно-политического плана об «общественном строе» были прекращены. Весной было обнародовано знаменитое «Постановление ЦК ВКП (б) и Советского правительства от 16 мая 1934 г. о преподавании гражданской истории». Его задача заключалась в том, чтобы «укрепить марксистско-ленинскую направленность в освещении исторических событий и в соответствующей расстановке акцентов».

Это постановление имело одно положительное последствие — в стране возникли условия для формирования академической среды: в МГУ и ЛГУ были воссозданы исторические факультеты, а в МГУ была создана кафедра «Новой и новейшей истории колониальных и зависимых стран», которая стала востоковедным и учебным центром (там работали Г.С. Кара-Мурза, А.А. Губер и др. историки-востоковеды)²¹.

Трудно сказать, в связи с упомянутым постановлением или нет, но В.М. Алексеев в «Рабочей библиографии китаиста», первый вариант рукописи которой датируется как раз 1934 г. (второй — 1948 г.), в самом конце раздела «История и история культуры» подводя итоги исторических штудий советских китаеведов, записал: «Книги по истории и культуре Китая на русском языке или недостаточно связаны с источниками и пользуются аргументацией из вторых и третьих рук, или устарели» [4, с. 112]. Здесь судя по примечанию, он имел в виду упомянутые ранее работы К.А. Харнского и Г.И. Сафарова. Из

²¹ С 1934 по 1937 гг. её возглавлял Х.З. Габидуллин (1897–1937).

всех книг по истории Китая своего времени для упоминания в своём труде «Рабочая библиография китаиста» он выбрал только эти две работы. Он видел, что это не исследования, а компилятивные сочинения, но поскольку они являли собой яркий образец работ о прошлом Китая, то не могли быть обойдены вниманием. В их оценке он исходил из критериев классической науки. На первом месте стояло отношение к источникам, значимость решаемых задач, глубина выводов и их новизна. Отметив их интерес с точки зрения «марксистского метода» (то есть принадлежность к обществоведению), он не мог считать их научными трудами.

Когда вышло названное постановление, то оказалось, что в ленинградской академической среде историческое направление уже существовало и в ленинградском Институте востоковедения уже был сотрудник, который потенциально мог решать задачи изучения древней истории Китая — П.И. Осипов (Чжу У-шан). В архиве института (АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 3, д. 444, л. 1) сохранилось его заявление, в котором отразился этот потенциал: «Древняя история Китая является одним из наиболее слабо разработанных вопросов востоковедения, а вместе с тем непрерывные открытия раскопок в Китае помогают изучению реального положения в древнем Китае и подтверждают китайские источники (так наз. классики)... Исходя из этого, я хочу заняться специально изучением этой области древней истории Китая и наряду с этим изучением раскопок...» [27, с. 240].

Его содержание показывает, что в академической среде было понимание значимости археологических открытий в Китае и того, что это ведёт к перелому в представлениях о древнекитайской истории, а также было стремление отразить это в своей научной работе. Но реализовать этот потенциал было нелегко. Запросы партии и правительства были наконец-то сформулированы. От китаистов требовались работы о социально-экономическом устройстве Древнего Китая. Задача заключалась в том, чтобы встроить рабство и рабовладельческий строй в исторический контекст. Именно это и было поручено осевшему в Ленинграде китайскому коллеге.

1935 г. — особый год в истории довоенной синологии. И в Москве, и в Ленинграде шло усиление синологических кадров, степень кандидата исторических наук без защиты диссертации была присвоена многим китаеведам разных специальностей: П.А. Гриневичу (1899–1938), А.Я. Канторовичу, Г.С. Кара-Мурзе и К.К. Флугу. Степени докторов без защиты были присвоены: Е.С. Иолку, Н.И. Конраду, Н.В. Кюннеру, В.М. Штейну. В список, как видим, попали и «обществоведы», и «классики». А вот ленинградцу-историку Л.И. Думану пришлось пройти процедуру защиты — в апреле 1935 г. он защитил

диссертацию на тему «Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в.» и получил степень кандидата исторических наук.

В Ленинграде стали появляться работы по Древнему Китаю, причём и «обществоведческие», и вполне академические.

В 1935 г. вышла ещё одна статья П.И. Осипова, посвящённая рабству в древнем Китае [70]²². Таким образом, ленинградский специалист, китаец по национальности, близкий к академической среде, будущий научный руководитель Л.В. Симоновской (1902–1972), точнее и лучше услышал или почувствовал «набат эпохи». Статья, в которой были использованы сообщения эпитафических и письменных источников, выглядит академично, но вывод был сделан в русле обществоведения: «Поэтому способ производства в западном Чжоу не был ни феодальным, как традиционно принято считать в китаеведении, ни „азиатским способом производства“... Период западного Чжоу был периодом своеобразного, примитивного недоразвитого рабовладельческого общества...» [70, с. 22–23]. Чтобы прийти к такому заключению, не надо было быть ни китаеведом, ни историком.

В том же 1935 г. в Ленинграде были опубликованы тезисы (аналог современного автореферата) диссертации З.И. Горбачёвой об истории начала I в. н.э. Они касались узкого вопроса, связанного с «классовой борьбой». Тем не менее, в ней освещались некоторые аспекты древнекитайской истории конца правления Ван Мана (9–23 гг.) и начала истории Восточной Хань (25–220 гг.)²³ [21].

Наиболее значимым и подлинно научным трудом, имевшим отношение к древней истории, стала монография 1935 г. ленинградского учёного, ученика В.М. Алексеева, Ю.В. Бунакова (1908–

²² Поскольку в них признавалось наличие рабства, то эти работы получили высокую оценку специалистов по Древнему Востоку. Так, В.В. Струве в своей рецензии на первый том «Истории древнего мира», изданной в 1936 г., писал: «...Я совсем не коснулся истории древней Аравии ввиду невозможности решить здесь ряд важнейших проблем, как, например хронологической проблемы. Та же причина заставила меня отказаться дать главы по истории древней Индии и Китая. Для лиц, желающих ознакомиться с историей этих стран, можно рекомендовать теперь работы молодого учёного П.И. Осипова „О рабстве в древнем обществе Китая“, „Проблемы истории докапиталистических обществ“ № 7–8 и его печатающийся в изданиях ГАИМК труд „Пути развития древнего общества Китая“...» [88].

²³ Диссертация была защищена в 1947 г.

1942)²⁴. Научную значимость не утратили и его статьи 1935 и 1936 гг. В то время их автору не было и тридцати лет [10–12].

Это была реакция академической среды на самое главное событие в научной жизни Китая (с точки зрения изучения древней истории) — многолетние систематические раскопки в районе шанской столицы. Им были охарактеризованы результаты раскопок в районе г. Аньян, описана вся синологическая историография того времени, дана характеристика шанским гадательным надписям, обстоятельствам их нахождения и хранения (в том числе в частных коллекциях). И это уже вполне академический труд. Одновременно с этим ещё одним учеником В.М. Алексеева К.К. Флугом рассматривались источники по истории Шан [95]. Не имея исторической школы (до революции, в отличие от филологической, она не успела сложиться), ставить сугубо исторические задачи было невозможно, поэтому филологи обратились к рассмотрению самых ранних эпиграфических источников. Так очерчивались контуры научного изучения Древнего Китая.

В Москве же тем временем звучали отголоски прошлых дискуссий. Так, в том же 1935 г. сотрудник московского НИИ по Китаю, выпускник Дальневосточного университета, П.А. Гриневич (1899–1938) опубликовал большую статью «К вопросам истории китайского феодализма», написанную во всё том же обществоведческом ключе. Она выходила за пределы древности. Автор упорно, несмотря на все постановления и угрозы, характеризовал общественный строй древнего Китая как феодальный [22, с. 186–271]. Судя по его дальнейшим работам, к обществоведческой задаче П.А. Гриневич относился скорее как историк и упорно не хотел отказываться от взглядов на феодализм как основную форму общественного строя в древности, которые он воспринял ещё в студенческие годы и которые казались ему научными. Но своей темы в изучении традиционного Китая у него, видимо, не было.

В 1936 г. была опубликована статья историка-антиковеда А.В. Мишулина «Очерк о Китае в античную эпоху». Её появление едва ли случайно. Прошло два года после постановления. В общих учебниках по истории Древнего Востока разделов по Древнему Китаю ещё не было и, очевидно, специалисты-«древники» и «античники» почувствовали, что это необходимо компенсировать своими

²⁴ Эта тема в российской китаистике разрабатывалась впервые. Ранее вышли только небольшие заметки А.М. Баранова «Гадательные кости из провинции Хэ-нань», название которых и было заимствовано Ю.В. Бунаковым для своей монографии [8].

силами, не дожидаясь, когда появятся достаточно компетентные историки-синологи²⁵.

Она была опубликована в журнале «Борьба классов», посвящённом обсуждению постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. и «Замечаний товарищей...» (см. ниже). Это был взвешенный установочный материал, который должен был помочь синологам, если такие появятся, разобраться с ситуацией и, оставаясь в поле научного дискурса, дать идеологически взвешенный материал [64]. Но начата она... опять же с мифа. Сила традиции оказалась сильнее — чутьё историка-антиковеда не подсказало автору иных вариантов начала описания древнекитайской истории. То, что в силу своей научной нелепости было невозможно в изучении западной части Старого Света, предлагалось в качестве нормы при изучении его восточной части. Никакого призыва изучать эпиграфику, надписи на панцирях, костях, бронзовых сосудах, переводить и исследовать источники в статье учёного не прозвучало.

В этом же году в Москве вышел 32-й том «Большой Советской энциклопедии». Существенную часть тома занимали статьи о Китае. В ней был значительный по объёму «Исторический очерк» (Древняя эпоха, с. 521–535, Средние века, с. 535–563), в котором разделы по древности, средним векам и новому времени были написаны уже упоминавшимся «владивостокцем» П.А. Гриневичем²⁶. Заслуга автора в том, что очерк древней истории Китая носит сугубо исторический характер, в нём сделана попытка характеристики исторического процесса. Хотя среди его подходов преобладают политэкономические, тем не менее, им выделяются периоды и подпериоды, реконструируется социальная структура, затрагиваются властные отношения и т.п. Автор, показывая осведомлённость о дискуссиях об общественном строе, упорно оставался на позиции феодализма и не демонстрировал готовность отстаивать идею рабовладения. Из всего написанного до этого времени по истории Древнего Китая это самый

²⁵ Раздел об истории Древнего Китая был помещён в учебном пособии по истории Древнего Востока мэтра египтологии В.В. Струве, изданном в 1941 г. Это стало новацией, поскольку в классической «Истории Древнего Востока» Б.А. Тураева раздела о Древнем Китае не было. Не было его и в первом издании учебника В.И. Авдиева с тем же названием (1948 г.). О Древнем Китае только говорилось в стенограмме его лекций, читавшихся в Высшей партийной школе в 1946 г. [1]. Они были переизданы в 1948, 1949 гг.; 2-е издание в 1953 г.

²⁶ В 1937 г. более краткий текст будет опубликован в Малой Советской энциклопедии [23, с. 521–577; 24, с. 484].

чёткий и концептуальный текст. В нём обществоведческие задачи отошли на второй план. Но являясь энциклопедической статьёй, она была очень краткой. И сам энциклопедический формат её не способствовал вхождению в широкий научный оборот.

Так и в 1936 г. реализовались традиции владивостокского направления в синологии — оказывается, что и тогда альтернативы в написании собственно истории Древнего и Средневекового Китая так и не возникло.

А в Ленинграде в этом же году П.И. Осипов защитил диссертацию «Пути развития древнейшего общества Китая». Работа была поддержана В.В. Струве и В.М. Алексеевым (АВ ИВР РАН. Ф. 152, оп. 3, д. 444, л. 13) [27, с. 240]. В ней развивались положения, изложенные в его статье [71].

А далее наступил 1937 г. Шли аресты и расстрелы (см. Приложение). Китаисты были вовлечены в дискуссии об «общественном строе», тем самым они фактически были принесены в жертву: сначала для того, чтобы обострить внутрипартийную борьбу, а затем — укрепить единственно верную идеологию.

1938–1941 гг. Пробуждение истории

После нескольких волн арестов обществоведческая среда, по сути, перестала существовать, а академическая, понеся тяжёлые потери, выстояла.

На 1938 г. приходится пик гонений на В.М. Алексеева. Так 31 мая 1938 г. в газете Правда (№ 148) вышла печально знаменитая статья Х.И. Муратова и М. Булова «Лжеучёный в звании советского академика»²⁷. В.М. Алексееву была сохранена жизнь благодаря усилиям (точнее, ухищрениям) руководства Академии наук, во главе которой стоял его старый товарищ В.Л. Комаров (1869–1945), оставлена возможность преподавать и заниматься исследовательской деятельностью [73].

Тогда же в соответствии с «волей партии» в востоковедении на месте обществоведческой среды стала формироваться историческая среда. Коснулось это и изучения Китая.

Вновь ленинградская академическая среда среагировала быстрее. В 1938 г. в Ленинградском Восточном институте было издано учебное пособие, написанное учеником В.М. Алексеева, историком по специализации Лазарем Исаевичем Думаном (1906–1979), «Очерки

²⁷ Этим событиям в жизни В.М. Алексеева посвящена статья А.Н. Хохлова 2008 г. «Академик-китаист В.М. Алексеев под угрозой остракизма в 1938 г.». См. [98].

по древней истории Китая». В их основе лежит прочитанный им курс лекций. И хотя они не содержат изложения результатов исследований самого автора, который имел свою «узкую» тему по другому историческому периоду, — он специализировался на истории Нового времени одного из периферийных районов Китая (Синьцзяна) — они хорошо систематизированы, обобщают известные представления о Древнем Китае и содержат подборку новых на то время данных.

Этим же годом датируется и «Очерк истории Китая» самого В.М. Алексеева, но он носил характер конспекта лекций и заметок, который, как и многие его труды, не был издан при жизни. Работу над ним он начал ещё в далёком 1915 г. [6, с. 409]. Весьма вероятно, что возвращение к ним как-то могло быть связано с выходом большой публикации его ученика.

В Москве единственным из оставшихся специалистов, кто мог заниматься исторической наукой, оказался Г.С. Кара-Мурза. Именно он, имея определённый (полученный в семье) культурный багаж, волею судьбы перейдя из обществоведческой среды в среду академическую, сумел преодолеть в себе обществоведа и стать историком [90; 92, с. 21–38].

С **1939 по 1941** г. Г.С. Кара-Мурза преподавал на историческом факультете МГУ, одновременно трудился в институте истории АН СССР и читал лекции в Московском Институте востоковедения (МИВ). Поступив на работу в МГУ, он попал в академическую среду московских историков. Готовя и читая общие курсы истории Китая, он знакомился с древней и средневековой историей страны. В 1939 г. в МИВе были изданы его лекции по истории Древнего Китая [45]²⁸. Очевидно, что на подходы Г.С. Кара-Мурзы наибольшее влияние оказали работы П.А. Гриневича. В том же 1939 г. увидели свет две его статьи: «Род и племя древних китайцев» и «Новые данные о древнем Китае» [43; 44, с. 192–194]. В них были поставлены важные научные проблемы: в изучении структур родства, а также результатов раскопок в районе г. Аньяна для изучения истории Шан-Инь (ок. 1300–1027 гг. до н.э.). В послевоенные годы обе эти темы подхватил и вывел на академический уровень М.В. Крюков [57].

Ленинградское направление продолжало набирать обороты.

В **1940** г. увидел свет сборник статей «Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость». Его редакторами были В.М. Алексеев, Л.И. Думан и А.А. Петров [49]. Для этого тома Ю.В. Бунаков написал раздел «Китайская письмен-

²⁸ Их текст был опубликован с нашим предисловием в 2016 г. в «Архиве российской китаистики» [47].

ность». А статью по истории «традиционного Китая» было доверено написать Л.И. Думану, который назвал её «Очерком истории Китая (С древнейших времён до эпохи милитаризма)». В нём, наконец, был реализован академический подход — без подмены мифом истории. Напротив, первый раздел назывался «Археологические раскопки и их значение», и в нём было сказано об основных археологических открытиях своего времени: о находках синантропа в Чжоукоудянь, о каменных орудиях из других районов Китая, о неолитических находках Андерсона (даже были указаны возможные даты культуры *ян-шао*), о раскопках городского памятника бронзового века Чэнцзыя (пров. Шаньдун), о раскопках Шан-Инь близ г. Аньяна. И хотя в разделе о древности были затронуты вопросы общественного строя, куда же без них, но они не стояли на первом месте, и, что важно, автором недвусмысленно подчёркивался их гипотетический характер.

Л.И. Думан и после этого продолжал заниматься историей. В том же 1940 г., развивая тему лекции № 12 из своих «Очерков», он сделал попытку углубиться в изучение одного из поворотных моментов истории поздней древности — правления Ван Мана (9–23 гг.), реформатора и создателя империи Синь [30].

В том же году ещё одним учеником В.М. Алексеева Н.И. Конрадом был выполнен перевод двух источников по истории периода Чжаньго (453–221): основополагающих трактатов по военному искусству *Сунь-цзы* и *У-цзы*. Но произошло это в заключении. С 20 апреля 1940 г. в связи с пересмотром дела Н.И. Конрада направили из лагеря в Бутырскую тюрьму (Москва), где он пробыл до 8 сентября 1941 г., когда решением того же Особого совещания при НКВД СССР он был освобождён. Предполагается, что «часть этого времени он мог работать в саратовской шарашке», где и были выполнены переводы [28, с. 211]. Книги увидели свет в послевоенные годы [89; 94].

Заключение

К началу XX в. российское китаеведение приблизилось к тому, чтобы изучать древнекитайскую историю с академических позиций. Уже наметились некоторые тенденции: стали появляться переводы источников, были созданы первые научные труды.

Но сменилась эпоха, кардинально изменилось политическое и культурное пространство. После революции не было ни научных школ, ни специалистов по истории «традиционного Китая», решать задачи изучения прошлого этой страны в академическом ключе было некому. Все «обществоведы» 20–30-х гг., которые в своих работах касались её истории, не только не были специалистами по древности, но даже не имели исторического образования. В лучшем случае они

были страноведами (или как сейчас говорят — «регионоведами»). Многие из них имели опыт практической работы: революционной, партийной, дипломатической. В этом существенное отличие довоенного китаеведения от египтологии, ассириологии и антиковедения, где всё-таки вопросами рабовладения, классовой борьбы и прочего занимались профессиональные историки (см. [96]).

Работы обществоведов-китаистов о древности не являлись научными трудами в академическом значении этого слова, в них не было элемента исследования, они не вели к появлению новых знаний о древности. Их обращённые к далёкому прошлому Китая работы являлись вторичными по отношению к трудам западных и китайских специалистов, а их выводы основывались не на тщательном анализе данных письменных нарративных и эпиграфических источников, проведённом с помощью специальных методов, а на теоретических выкладках истмата и носили исключительно обществоведческий (а значит, идеологизированный) характер.

Наиболее квалифицированно описанием (но не изучением) истории «традиционного» Китая занимались преподаватели и выпускники владивостокского Восточного института (с 1920 г. — Дальневосточного университета): Н.В. Кюннер, К.А. Харнский и П.А. Гриневич. Научные же труды, имевшие отношение к древнекитайской истории, появились к середине 30-х гг. Это монография Ю.В. Бунакова, два очерка древнекитайской истории Л.И. Думана (один в виде курса лекций 1938 г., а другой для сборника «Китай» 1940 г.), лекции Г.С. Кара-Мурзы и статья для энциклопедии П.А. Гриневича. Всё это были не исследования, а обзорные работы, которые только готовили почву для научных трудов.

Учитывая колоссальное по своему богатству историческое прошлое Китая, такое положение дел с его изучением не могло удовлетворить представителей академической науки. Безусловно, у В.М. Алексеева и в послевоенное время (1944–1948 гг.) были все основания записать: «История Китая на русском языке почти неизвестна, а главное, непонятна» [3, с. 307].

Итак, в структуре советского китаеведения 20-х — первой половины 30-х гг. абсолютное большинство составляли «обществоведы». Все они были вовлечены в дискуссии об «общественном строе» Китая как части общей «дискуссии о китайской революции». Они активно высказывались о «способах производства» и атрибуции «общественного строя» в Древнем Китае как «феодального», «азиатского» (АСП) или «рабовладельческого».

Дискуссии эти проходили на фоне внутривнутрипартийной борьбы, в которой победило сталинское крыло. В значительной степени дискуссии были проявлением этой борьбы, о чём многие специалисты, павшие её жертвой, могли и не подозревать. Сначала среди них было распространено убеждение, что в древнем Китае господствовал феодализм. Вскоре такой подход стал восприниматься как устаревший, а затем и как не марксистский. Приверженцы «феодализма» и АСП, сами того не ведая, образовали «оппозицию» и попали в лагерь сторонников Троцкого или Зиновьева [96, с. 150]. А те, кто стоял на позициях истинного марксизма-ленинизма, то есть был максимально лоялен к сталинской трактовке теории социально-экономических формаций, признали «рабовладение». В 1933 г. с усилением позиций И.В. Сталина в партии и в управлении государством в изучении Древнего Востока окончательно возобладала концепция рабовладельческого строя.

Оказалось, что теоретические воззрения обществоведов определялись отнюдь не научными критериями, а тенденциями внутривнутрипартийной борьбы, сначала взглядами оппозиции, а затем победившего сталинского крыла партии. Время показало, что определение «общественного строя» как феодального или рабовладельческого для понимания особенностей исторического процесса ничего не даёт.

В ходе активной педагогической деятельности В.М. Алексеев вольно или невольно принимал участие в подготовке обществоведов. В то же время он продолжал готовить филологов и даже приступил к подготовке историков. Труды тех, кто прошёл хоть какую-то выучку у В.М. Алексеева, статья тридцатилетнего Е.С. Иолка, книга двадцатичетырёхлетнего М.Д. Кокина и двадцатидевятилетнего Г.К. Папаяна по охвату источников и своему псевдоакадемизму могут быть признаны высшими достижениями обществоведческой мысли в довоенной китаистике в отношении Древнего Китая. Они же показали, что обществоведение с классикой породнить невозможно. Изменится «мнение партии», и выводы авторов окажутся неверными и «вредными».

Задачу подготовки специалистов по истории Древнего Китая могли поставить только представители «классического» направления, сохранившиеся в «академической» среде ленинградского китаеведения. Поэтому исторические труды стали возникать с середины 30-х гг. в рамках филологического направления, которым руководил В.М. Алексеев. Естественно, что обращение к древнекитайской истории самого В.М. Алексеева (и ряда его учеников) вытекало более из логики штудий филологических, чем исторических. Ведь рядом с ним в академической среде не было сопоставимого по масштабам

китаиста-историка, который мог бы руководить академическими проектами по изучению истории традиционного Китая.

Из всех упомянутых довоенных авторов специальную историческую подготовку получил только Л.И. Думан. Смог ли он в дальнейшем реализовать эти возможности — тема отдельной статьи. Попав на военную службу, он на десятилетие выпал из академической среды, а когда уже после смерти своего учителя он в неё вернулся, она существенно изменилась²⁹. На наш взгляд, он не смог противостоять обществоведческой стихии и, ставя исторические задачи, искал ответы на них в рамках обществоведения. В послевоенных работах Л.И. Думана, многие из которых посвящены различным периодам древности, переплетены обществоведческие подходы и исторические задачи. Поэтому в историю синологии, по крайней мере, в изучении древности и средних веков, вероятнее всего, он войдет именно как обществовед — после него не осталось ни переведённых источников, ни самостоятельных исторических исследований.

В Москве в довоенное время условия для формирования центра академического китаеведения и, соответственно, академической среды возникли в 1939 г. с приходом на истфак МГУ им. М.В. Ломоносова Г.С. Кара-Мурзы. Оставаясь специалистом по современному Китаю, он за короткое время создал полный курс лекций, начиная с древности, который успел прочитать и в МГУ, и в МИВ. Благодаря поддержке коллег (М.В. Нечкиной, А.А. Губера и др.), начал формировать академическую среду, из которой выйдут китаеведы Г.Б. Эренбург и М.Ф. Юрьев³⁰. Но школы по изучению истории Китая (и не только древней) ни в Москве, ни в Ленинграде в довоенное время так и не сложилось. А те её ростки, которые наметились, пресекались в годы войны: ленинградцы Бунаков и Флуг не пережили блокады, москвич Кара-Мурза погиб.

В послевоенное время в Москве изучение истории «традиционного Китая» налаживали историки-выходцы из ленинградской академической среды: Л.В. Симоновская и Л.И. Думан, которые в рамках академических структур взяли курс на замещение классического подхода обществоведческим, считая, что второй более соответствует требованиям времени. И, очевидно, ошиблись. Ни в ИВ РАН (Отдел истории Китая, в котором трудился Л.И. Думан), ни в ИСАА МГУ (кафедра истории Китая, которой руководила Л.В. Симоновская) школ изучения истории «традиционного» Китая не сложилось. Их

²⁹ Назревал разрушительный для школы конфликт учеников В.М. Алексеева разных поколений. См. [51, с. 356–366, 377–386; 93, с. 286–293].

³⁰ Об этом в их работах о Г.С. Кара-Мурзе [46; 90; 91; 100].

ученики З.Г. Лапина (ИСАА), А.А. Бокшанин (ИВ РАН), Л.С. Васильев (ИВ РАН) и др. преемников не оставили.

Судьба всех упомянутых в статье людей — предостережение. Удел всех без исключения обществоведческих работ — забвение. И только скорбный юбилей (репрессии 1935–1938 гг.) побуждает нас вспомнить о трудах большинства из названных выше авторов.

Обращение к опыту довоенного китаеведения необходимо, поскольку в наше время, как и тогда, благодаря значительному расширению круга доступных источников, появились условия для перехода изучения Древнего Китая на качественно новый уровень. В те годы этот переход не произошёл, произойдёт ли он в наше время? Ведь и сейчас для московской синологии актуален вопрос: создана ли надёжная (устойчивая и долговременная) академическая база для подготовки историков-китаеведов: специалистов по истории древности, средних веков и нового времени? А для российской?

Приложение. Судьбы авторов³¹

Первые сведения об арестах профессиональных китаеведов, чьи имена были упомянуты выше, относятся к 1934 г. когда был арестован Г.И. Сафаров.

В 1935 г., когда был арестован Л.И. Мадьяр. Г.И. Сафаров был осуждён к высылке на 2 года.

В 1936 г. аресты начали выкашивать китаеведов.

Г.И. Сафаров был осуждён на пять лет лишения свободы (его расстреляли в 1942 г.).

М.П. Жаков был расстрелян как «матёрый троцкист», «террорист» и «критик теории Энгельса о происхождении первобытного общества».

Г.К. Папаян арестован в мае 1936 г.; 23 декабря 1936 г. он был осуждён на 10 лет исправительно-трудовых лагерей с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества; отбывал срок в Соловецкой тюрьме.

М.С. Годес был арестован в Ленинграде 27 октября 1936 г. и приговорён 19 декабря 1936 г. к расстрелу; приговор будет приведён в исполнение через год.

М.Д. Кокин осенью 1936 г. был исключён из ВКП(б) за «притупление классовой бдительности»; 25 ноября, после доноса Г.В. Ефимова о том, что студенты Кокина в ходе зачётов давали ему «непра-

³¹ Подробнее см. в монографии В.Г. Дацышена [27, с. 253–260].

вильные ответы», было проведено заседание кафедры новой истории колониальных и зависимых стран ЛИФЛИ, на котором Кокину инкриминировалось участие в создании и разработке «контрреволюционной троцкистской контрабандной теории азиатского способа производства» в Китае [61].

На 1937 г. пришлось наибольшее число арестов.

М.Д. Кокин был арестован в Ленинграде 11 января 1937 г.; 3 мая 1937 г. приговорён к высшей мере наказания, 4 мая расстрелян.

М.С. Годес был расстрелян 10 февраля 1937 г.

П.Е. Скачков был арестован 12 февраля 1937 г.; приговорён к 10 годам ИТЛ, вернулся в 1954 г.

П.И. Осипов (Чжу Ушан) с 15 февраля был отчислен из Института востоковедения РАН и был арестован.

А.Я. Канторович был арестован в мае 1937 г.; обстоятельства гибели не ясны.

Ю.К. Щуцкий был арестован 3 августа 1937 г.

К.А. Харнский был арестован 10 (по другим сведениям, 31) августа 1937 г. во Владивостоке.

А.И. Иванов был арестован 26 августа 1937 года, 8 октября 1937 г. ВК ВС СССР был приговорён к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Е.С. Иолк был арестован в Москве 5 сентября 1937 г.; 15 декабря 1937 г. ВК ВС СССР приговорил его к ВМН («участие в военно-фашистском заговоре»), в тот же день он был расстрелян под Москвой (Коммунарка).

Б.А. Васильев был арестован в Ленинграде 6 сентября 1937 г.; обвинён 19 ноября 1937, расстрелян 24 ноября 1937.

М.Г. Андреев был арестован в Москве 10 сентября 1937 г.; был приговорён 3 ноября 1937, в тот же день расстрелян (Коммунарка).

Д.М. Позднеев был арестован 1 октября 1937 г., расстрелян 30 октября 1937 г.

Л.И. Мадьяр, уже отсидевший два года, был расстрелян 2 ноября 1937 г.

Г.К. Папаян, находившийся в Соловецкой тюрьме, 10 октября 1937 г. был приговорён к высшей мере; приговор приведён в исполнение 4 ноября.

Н.А. Невский в Ленинграде был арестован в ночь с 3 на 4 октября 1937 г. на квартире, которую с его семьёй делила семья В.М. Алексеева. 19 ноября 1937 был приговорён и расстрелян 24 ноября 1937 г.

И.К. Мамаев арестован 5 декабря 1937 г.

П.А. Миф был арестован 11 декабря 1937 г.

П.А. Гриневиц также был арестован 11 декабря 1937 г.

В 1938 г. решалась судьба наиболее квалифицированных синологов.

Ю.К. Щуцкий был приговорён 18 февраля 1938 г., в тот же день расстрелян.

П.А. Гриневиц был приговорён 14 марта 1938 г., в тот же день расстрелян.

И.К. Мамаев умер в тюрьме на допросе 4 апреля 1938 г.

К.А. Харнский был приговорён 25 апреля 1938 г., в тот же день расстрелян.

П.А. Миф был приговорён 28 июля 1938 г., в тот же день расстрелян.

Н.И. Конрад был арестован 29 июля 1938 г., освобождён в 1941 г.

А.А. Штукин был арестован 31 июля 1938. 26 июля 1939 г. был приговорён к 5 годам исправительно-трудовых лагерей, но окончательно вернулся «из мест...» только в 1954 г.

Библиография

1. *Авдиев В.И.* История Древнего Востока. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б). М., 1946.
2. *Алексеев В.М.* О методических достижениях китайского отделения Ленинградского восточного института за 11 лет (доклад 27 февраля 1931 г.) / Наука о Востоке. М., 1982.
3. *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. М., 1982.
4. *Алексеев В.М.* Рабочая библиография китаиста // Архив российской китаистики. Т. 1. М., 2013.
5. *Алексеев В.М.* Китайская литература. Избранные труды. М., 1978.
6. *Алексеев В.М.* Труды по китайской литературе. В двух книгах. Книга 2. М., 2003.
7. *Андреев М.Г.* Институт рабства в Китае // Проблемы Китая, 1929, № 1.
8. *Баранов А.М.* Гадательные кости из провинции Хэ-нань // Вестник Азии, 1914, 25–27. М., 1914.
9. *Богаевский Б.Л.* Раковины в расписной керамике Кита, Крита и Триполья // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Т. 6. Л., 1931. Вып. 8–9.
10. *Бунаков Ю.В.* Гадательные кости из Хэнани (Китай). Л.–М., 1935.
11. *Бунаков Ю.В.* Термины родства в китайском языке. Л., 1935.
12. *Бунаков Ю.В.* Аньянские памятники и американское китаеведение // Библиография Востока. 1936. Вып. 10.
13. *Васильев В.П.* История Китая. СПб., Литогр. Лаппинга, [б/г].
14. *Великовский М.* «Новый Восток», журнал научной ассоциации востоковедения союза ССР. Книги 16, 17 и 18 // Историк-марксист, 1927, № 5.
15. *Виттфогель К.А.* Проблемы экономической истории Китая (в порядке обсуждения) // Вестник Коммунистической академии. Кн. XX, 1927.
16. *Вишневский Б.Н.* Синантроп // Природа, 1931, № 6.

17. Вишневский Б.Н. Новое о синантропе // Природа, 1932, № 9.
18. Волин М. Вступительная статья. М.Г. Андреев. Институт рабства в Китае // Проблемы Китая, 1929, № 1.
19. Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт — Московский институт востоковедения — МГИМО / Ред. А.В. Торкунов. М., 2014.
20. Георгиевский С.М. Первый период китайской истории (до императора Цинь-ши-Хуанди). СПб., 1885.
21. Горбачёва З.И. Крестьянское восстание краснорубых в Китае I в. н.э. (18–28 гг.). Л., Тезисы диссертации на степень кандидата наук. 1935.
22. Гриневиц П.А. К вопросам истории китайского феодализма // Проблемы Китая, 1935, № 14.
23. Гриневиц П.А. Китай // Большая Советская Энциклопедия. Т. 32. М., 1936.
24. Гриневиц. П.А. Китай // Малая Советская Энциклопедия. Т. 5. М., 1937.
25. Громов В.И. Палеолит в Китае // Природа, 1930, № 5.
26. Дацзышен В.Г. Изучение истории Китая в Российской империи. М., 2015.
27. Дацзышен В.Г. История русского китаеведения 1917–1945. М., 2015.
28. Джарылгасинова Р.Ш., Сорокина М.Ю. Академик Н.И. Конрад: неизвестные страницы биографии и творческой деятельности // Репрессированные этнографы. Вып. I. М., 1999.
29. Дискуссия об азиатском способе производства по докладу М. Годеса. М., 1931 (2-е изд. 2008).
30. Думан Л.И. Реформы Ван Мана // Вестник древней истории, 1940, № 1.
31. Жаков М.П. Отражение феодализма в «Мэн-Цзы». М., 1927.
32. Жаков М.П. Мэн-цзы и китайский феодализм // Вопросы философии и социологии марксизма. Тифлис, 1930.
33. Захаров А.О. К 60-летию журнала: будущее востоковедения // Восток (ORIENS), 2015, № 1.
34. Иванов А.И. Материалы по китайской философии. Введение. Школа фа. Хань Фэй-цзы. Перевод. СПб., 1912.
35. Иванов А.И. О научной работе в Китае // Новый Восток, 1928, № 22.
36. Ивин А.А. Аграрный вопрос в китайских революциях. «Красные Брови» и «Жёлтые Тюрбаны» // Новый Восток, 1926, № 15.
37. Иностранцев К.А. Хунну и гунны (разбор теорий происхождения народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимном отношении этих двух народов). (2-е доп. изд.). Л., 1926.
38. Иолк Е.С. К вопросу об основах общественного строя древнего Китая // Проблемы Китая, 1930, № 2.
39. Иолк Е.С. О задачах марксистско-ленинского изучения колониальных и полуколониальных стран // Проблемы Китая, 1930, № 2.
40. Иолк Е.С. (рец.) М. Кокин и Г. Папаян. «Цзин тянь». Аграрный строй древнего Китая. Л., 1930 // Проблемы Китая, 1930, № 4–5.

41. *Иорданский А.А.* Китай в прошлом и настоящем. Популярный политико-экономический очерк с приложением карты Китая и 13 рисунков в тексте. М., 1924.
42. Карл Радек о Китае. Документы и материалы. Редактор и составитель А.В. Панцов. М., 2005.
43. *Кара-Мурза Г.С.* Род и племя древних китайцев // Труды Московского института востоковедения, 1939, № 1.
44. *К[ара]-М[урза] Г.[С.]* Новые данные о древнем Китае // Историк-марксист, 1939, № 2.
45. *Кара-Мурза Г.С.* Древний Китай (лекции). М., 1939.
46. *Кара-Мурза Г.С.* Из писем учёного // Новый мир, 1950, № 4.
47. *Кара-Мурза Г.С.* Древний Китай (лекции) / Архив российской китаистики. Том IV. М., 2016.
48. *Качаловский Ю.В.* Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства. Спор об общественном строе древнего и средневекового Востока, доколониальной Африки и доколумбовой Америки. М., 1971.
49. Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. Сборник статей под редакцией акад. В.М. Алексеева, Л.И. Думана и А.А. Петрова. М.–Л., 1940.
50. *Кобзев А.И.* Китаистика и *summa sinologiae* // Архив российской китаистики. Том 1. М., 2013.
51. *Кобзев А.И.* Драмы и фарсы российской китаистики. Научный сборник с участием В.Ц. Головачёва, Р.Н. Дёмина, А.Д. Дикарёва, В.Е. Еремеева, Д.Е. Мартынова, Н.А. Орловой и Ю.В. Чудодеева (Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 19). М., 2016.
52. *Кокин М., Папаян Г.* «Цзинь-тянь». Аграрный строй древнего Китая. Л., 1930.
53. *Крих С.Б.* Теоретическое обоснование В.В. Струве концепции рабовладельческих обществ на Древнем Востоке // Социальные институты в истории. Ретроспекция и реальность. Материалы XII межвузовской региональной научной конференции. Омск, 2012.
54. *Крих С.Б.* История одной цитаты. Откуда есть пошла «революция рабов» // Родина, 2014, № 6.
55. *Крымов А.Г.* Дискуссия о докапиталистических отношениях в Китае в 20–30 годах // Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971.
56. *Кучера С.* Историография древней истории Китая / Историография истории Древнего Востока: Иран, Средняя Азия, Индия, Китай. Под ред. проф. *В.И. Кузицина*. СПб., 2002.
57. *Крюков М.В.* Род и государство в иньском Китае // Вестник древней истории, 1961, № 2.
58. *Крюков М.В.* Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова (документальная повесть). М., 2000.
59. *Кюннер Н.В.* Исторический очерк основ китайской материальной и духовной культуры. Ч. 1. Владивосток, 1909.

60. *Кюнер Н.В.* Лекции по истории развития главнейших основ китайской материальной и духовной культуры. Владивосток, 1921.
61. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина, 2003 // URL: <http://vostokoved.academic.ru/43>
62. *Мамаев И.К., Колоколов В.С.* Китай. Страна, население, история. М., 1924.
63. *Миллибанд С.Д.* Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. Т. 1–2. М., 1995.
64. *Мишулин А.В.* Очерк о Китае в античную эпоху // *Борьба классов*, 1936, № 2.
65. Конфуциева летопись «Чуньцю» («Весны и осени»). Пер. и примеч. *Н.И. Монастырева*. М., 1999.
66. *Никифоров В.Н.* Советская историография Китая в первые послевоенные годы (1946–1949) // *Краткие сообщения института народов Азии*. Вып. 85. История и историография стран Дальнего Востока. М., 1964.
67. *Никифоров В.Н.* Советские историки о проблемах Китая. М., 1970.
68. *Обществоведение*. Учебник для выпускного класса средней школы и средних специальных учебных заведений. М., 1982.
69. *Осипов П.И.* Пути развития древнейшего общества Китая // *Проблемы Китая*, 1932, № 6–7.
70. *Осипов П.И.* О рабстве в древнем обществе Китая // *Проблемы истории докапиталистических обществ*, 1935, № 7–8.
71. *Осипов П.И.* Пути развития древнейшего общества Китая. XVIII–VII вв. до н.э.: Тезисы диссертации на степень кандидата наук. Л., 1936.
72. *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений: Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001.
73. *Письма В.М. Алексеева В.Л. Комарову* // *Неизвестные страницы отечественного востоковедения*. Вып. 3. М., 2008.
74. *Позднеев Д.М.* (рец.). Сергей Георгиевский. Первый период китайской истории. СПб., 1885 // *Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества*. Т. I. Вып. II. СПб., 1886.
75. *Позднеев Д.М.* Вопросы древней истории Китая // *Журнал Министерства народного просвещения*. Часть ССХСIII. Июнь. СПб., 1894.
76. *Попов А.Д.* Очерк истории Китая. Харьков, 1925.
77. *Пузанов И.И.* Новые находки ископаемого человека в Азии // *Природа*, 1931, № 1.
78. Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России: сборник статей и библиография. Владивосток, 2014.
79. *Радек К.Б.* Основные вопросы китайской истории // *Новый Восток*, 1927, кн. 16–17.
80. *Рейхберг В.* Критика и библиография. Рецензии. К. Харнский. Китай с древнейших времён до наших дней // *Историк-марксист*, 1927, № 6.
81. *Сафаров Г.И.* Древнейший период китайской истории // *Новый Восток*. 1927, № 18, 19; 1928, № 20–21.

82. Сафаров Г.И. Классы и классовая борьба в китайской истории. М., 1928.
83. Сафаров Г.И. Очерки по истории Китая. М., 1933.
84. Соколов А.А. Из истории отечественного вьетнамоведения: Ленинградский восточный институт // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. № 26.
85. Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991 // URL: <http://www.knowbysight.info/SSS/04082.asp>
86. Сталин И.В. Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. / Вопросы ленинизма. М., 1939.
87. Струве В.В. Советская наука о древнем Востоке в период 1917–1932 г. // Сообщение Государственной Академии истории материальной культуры, 1932, № 9–10.
88. Струве В.В. [рец.]. «История древнего мира» // Исторический журнал, 1937, № 2.
89. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве / Пер. с кит. и исслед. Н.И. Конрада. М.–Л., 1950.
90. Тодер Ф.А., Юрьев М.Ф. Штрихи к портрету профессора Г.С. Кара-Мурзы (1906–1945) / Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х годов. М. 1988.
91. Тодер Ф.А. Записки востоковеда // Восток (ORIENTS), 1999, № 4.
92. Ульянов М.Ю. Предисловие к лекциям Г.С. Кара-Мурзы (1906–1945) по истории Древнего Китая // Архив российской китаистики. Том IV. М., 2016.
93. Ульянов М.Ю. От «критики» к «рефлексии»: читая книгу А.И. Кобзева «Драмы и фарсы российской китаистики. Научный сборник (М., 2016) // 47-я научная конференция Общество и государство в Китае. Учёные записки отдела Китая. Выпуск 23. Том. XLVII. Часть 2. М., 2017.
94. У-цзы. Трактат о военном искусстве / Пер. с кит. Н.И. Конрада. М., 1958.
95. Флуг К.К. Материалы по истории Китая. Период Шан-Инь // Библиография Востока. Вып. 7. М., 1935.
96. Хайнен Х. Расцвет и упадок советских исследований о рабстве. Очерк о взаимосвязи политики и науки // Вестник древней истории, 2014, № 4.
97. Харнский К.А. Китай с древнейших времён до наших дней. Хабаровск–Владивосток, 1927.
98. Хохлов А.Н. Академик-китаист В.М. Алексеев под угрозой ostracism в 1938 г. // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М., 2008.
99. Цыганкова С.П. Изучение и преподавание истории Китая в России во второй половине XIX в. // Россия и Китай: исторический опыт взаимодействия и новые грани сотрудничества. Екатеринбург, 2009 // URL: <http://hdl.handle.net/10995/28522>
100. Юрьев М.Ф., Панцов А.В. Учитель китаеведов Г.Б. Эренбург (1902–1967) // Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х годов. М., 1988.

101. *Andersson J.G.* An Early Chinese Culture // Bulletin of Geological Society of China, 1923, V, № 1.

102. *Andersson J.G.* Preliminary Report on Archaeological Research in Kansu // Memoires of the Geological Society of China. Ser. A, 1925, № 51.

103. *Cheng Huan-Chang.* The economic Principles of Confucius and his school. N.-Y., 1911.

*Mark Ulyanov**

**Ancient China in the works by the Soviet sinologists
of the 1920s–1930s (brief survey)**

ABSTRACT: The article centers on the Soviet sinologists' works written before the WWII and dealing with the history of Ancient China. In our brief survey we tried to reveal the problems those sinologists attempted to solve and the methods they applied while doing so, bearing in mind sinological environment in the USSR in the 1920s–1930s. We focused on the works of specialists in social sciences. In our survey we named the authors, gave brief description of their works and compared in certain cases their works with the works written by academic scholars.

KEYWORDS: sinology, the USSR, social science, the humanities, 1920s–1930s, Ancient China, historical materialism.

* Ulyanov Mark Yuryevich, PhD in History, Institute for Asian and African Studies, Moscow State University, Moscow, Russia; E-mail: ulm@mail.ru